

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Симпозиум
«Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья»

Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья

Тула
Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник
«Куликово поле»
2014

В. С. Курмановский

САБЛИ ИЗ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОБРАНИИ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИИ ГИМ¹

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот опыта систематизации и первично-го анализа сабель из воинских погребений бывшей Кубанской области, хранящихся в собрании отдела археологии ГИМ¹. Археологические памятники, откуда происходят предметы, относятся к золотоордынскому или постзолотордынскому времени, они были исследованы в процессе раскопок в конце XIX в. (преимущественно стараниями Н. И. Веселовского). Крупнейший и наиболее яркий комплекс связан с курганами у ст. Белореченская, в историографии за подобными памятниками северокавказского региона закрепилось название памятников «белореченского типа». Наиболее эффективные находки из раскопок Н. И. Веселовского были отданы в собрание Эрмитажа, в то время как «рядовые» оказались в Историческом музее [Левашова, 1953. С. 165]. Памятники традиционно датируются XIV–XV вв. или же, более широко, XIV–XVII вв. Всего в ходе проведенной работы было рассмотрено 27 целых и фрагментированных сабель. Из них большая часть (18 предметов)² происходят из курганов у ст. Белореченская, 6 – из курганов у ст. Тульская, по 1 из ст. Кужорская и Анапы.

Сабли с территории памятников белореченского типа до настоящего времени остаются сравнительно мало исследованными. Традиционно они рассматриваются в литературе (научными с авторов раскопок) как некий единий однородный массив. Исследователи отмечают значительную длину клинов, в ряде случаев в качестве характерной черты называется длинный заостренный («штыковидный» или «кинжаловидный») конец клиника, а также различную (прямую или изогнутую к клинику) форму перекрестья [ОАК. 1898. С. 8–10; Левашова, 1953. С. 177; Аствацатурий, 1995. С. 28–29; Нагоев, 1981. С. 33–35]. Степень изогнутости клиника определяется как сильная (А. Х. Нагоев), либо малая или средняя (Э. Г. Аствацатурий), что, по-видимому, связано со спецификой материала, привычного каждому из исследователей. В. П. Левашова упоминает элементы прибора ножен: наконечники («втоки») и медные обоймы с кольцами, а также зависимость между формой хвостовика (черешка) клиника и перекрестья: сабли с прямым перекрестьем имеют вертикальный, а

сабли с изогнутым перекрестьем – изогнутый «в сторону тыльной части клиника» (очевидно, к лезвию – В. К.) хвостовик [Левашова, 1953. С. 177]. В целях облегчения систематизации материала была разработана классификация составных элементов сабель (клиники и перекрестья).

В основу классификации сабельных клиников была положена разработанная ранее класификация клиников сабель XVI–XVII вв. [Курмановский, 2010. С. 15–23]. Специфика материала привела к определенной корректировке последней и выделению некоторых типов и вариантов форм клиников, отсутствовавших в исходной классификации. Основным классифицирующим признаком, также как и для клиников сабель XVI–XVII вв., является форма конца клиника. Типологически определяемыми оказались 18 клиников. Общими особенностями практически всех сабельных клиников данного комплекса, как уже отмечалось в литературе, являются большая длина (почти все клиники, сохранившиеся целиком, имеют длину более 1 м); сравнительно небольшая ширина (в пределах 33 мм, часто менее 30 мм), преимущественно усеченно-ромбовидное сечение с ребром, незначительно смещенным к обуху, наличие металлической обоймы под перекрестьем, под которой на пятах клиника сделан прямоугольный вырез.

Тип 1 составляют клиники без конструктивно выделенного расширения в боевой части (елманы) и без конструктивно выделенного колющими остряя. Представлены 1 экз. из кургана у ст. Белореченской (инв. № 37258, оп. 337, № 294). Клиники характеризуются небольшой шириной и малым изгибом и в целом вписываются в вариант 2 типа 1, выделенный для клиников XVI–XVII вв. (сабельные клиники из Оружейной палаты, описанные в 1687 г. как «полосы на черкасское дело» [Курмановский, 2010. С. 16–17], а также клиники сабель, известных прежде всего по попольскому материалу как «ордынки» или «чечуги», также «смычки»), однако клиник из Белореченской еще узже и еще менее изогнут. Кроме того, клиник из Белореченской значительно длиннее. Общая длина полосы с хвостовиком составляет 1102 мм, длина собственно клиника 1030 мм, ширина у пяты 24,5 мм, ширина на расстоянии 50 мм от конца 13 мм, кривизна лезвия 26 мм, кривизна обуха 15 мм. У пяты клиник

имеет пятиугольное сечение (ширина обуха и ребра 6 мм), далее за счет постепенного сужения обуха сечение становится усеченно-ромбическим, и затем собственно ромбическим (обух сходит на нет постепенно и длина обовоидного конца в точности не определяется). В области пяты клиника со стороны лезвия и обуха имеется по два уступа, вероятно, предназначенные для крепления обоймы (сама обойма не сохранилась).

Тип 2. Клиники с конструктивно выделенным расширением в прилежащей к концу части (елманы), без конструктивно выделенного колющими концом [Курмановский, 2010. С. 17]. Представлены 1 экземпляром, происходящим из Анапы (инв. № 33616, оп. 509, № 2). Клиник весьма резко отличен от прочих клиников из рассматриваемого комплекса: он значительное короче (873 мм), относительно широкий (36 мм у пяты) и тонкий (ширина обуха 4 мм). Изгиб клиника также довольно незначителен (кривизна лезвия 36 мм, кривизна обуха 15 мм). Длина елмана составляет 288 мм, максимальная ширина 38 мм, ширина клиника на расстоянии 50 мм от конца 23 мм. В сечении клиник представляет собой вытянутый треугольник. Надо полагать, данный клиник не связан с местной традицией клинического производства и имеет ближневосточное (турецкое, египетское или иранское) происхождение [Курмановский, 2010. С. 24], или же изготовлен под таким влиянием.

Тип 3. Клиники без расширения (елманы) с конструктивно выделенным колющим концом [Курмановский, 2010. С. 20]. К данному типу относятся 6 клиников. Еще 2 клиника по оформлению сходны с данным типом, однако типоопределяющая часть у них не сохранилась.

Вариант А не имеет аналогий в исследованном материале XVI–XVII вв. К этому варианту принадлежат длинные, массивные клиники с довольно значительным изгибом, приобретающим характерные «ломаные» очертания. Клиник в нижней четверти становится фактически прямым и достаточно резко сужается к концу, однако четко выраженный переход от плоской части к стержневидной отсутствует, таким образом, основополагающие признаки типа 3 ослаблены. К данному варианту относятся 3 клиника (2 из Белореченской (инв. № 37258, оп. 337 № 275; 972а (1) и 1 из Кужорской (инв. № 48479, оп. 510, № 6)). К этой же форме примыкает клинок еще одной сабли из Белореченской (инв. № 37258, оп. 337, № 261), однако плохая сохранность конца не позволяет его в точности классифицировать. Длина целиком сохранившихся клиников 1040–1110 мм, ширина у пяты 32–35,3 мм, ширина на расстоянии 50 мм от конца 9–11 мм, кривизна лезвия 85–93 мм, кривизна обуха 80–82 мм, максимальная кривизна клиника несколько смещена к острюю. Все клиники имеют усеченно-ромбическое (со слегка выпуклыми сторонами) сечение, по мере приближения к острюю постепенно переходящее в собственно ромбическое. Ширина обуха даже у

пяты клиника не превышает 2–3 мм, ширина ребра клиника при этом составляет 6–8 мм.

Вариант 1. К данному варианту относятся клиники с более четко выраженным колющим концом, откованным в длинный стержень, часто в сечении близкий к квадрату, на переходе от плоской части к стержневидной контур клиника может приобретать вогнутые очертания. Представлены 3 экземплярами (1 сохранившийся полностью, 1 – отсутствует конец клиника, 1 – сохранился конец клиника). У четвертого образца типоопределяющая часть отсутствует, однако пропорции и сечение позволяют отнести его именно к данному варианту. Целиком сохранившийся образец, а также образец с сохранившимся концом происходят из станицы Тульская (инв. № 42402, оп. 335, № 153 и 154), третий образец – из Белореченской (инв. № 37258, оп. 337, № 967–968). Длина клиника у целиком сохранившегося экземпляра составляет 1135 мм, образца с обломанным концом – 927 мм, ширина клиников у пяты 30–33 мм, ширина клиников на расстоянии 50 мм от конца 6,5–9 мм, кривизна лезвия 104 мм (полностью сохранившийся образец), 60 мм (образец с обломанным концом), кривизна обуха соответственно 86 и 55 мм. Два клиника имеют усеченно-ромбическое сечение, в обовоидной части переходящее в ромбическое (конец обуха четко не читается), сечение конца клиника близко к квадратному. Третий клинок имеет подтреугольное сечение со слабовыпуклыми сторонами и широким (8 мм) обухом, в обовоидной части линзовидное со слабовыпуклым ребром, к концу клиника переходящее в неправильный высокий ромб. На поверхности клиника читаются два узких долы. Клинок четвертой сабли, происходящей из Белореченской, сходной по оправе с предыдущей, но не имеющей типоопределяющих признаков (инв. № 37258, оп. 337, № 295), имеет подтреугольное сечение с широким обухом (7,5 мм) и тремя долами – одним широким (5 мм) вдоль обуха и двумя узкими (1,5–2 мм) на каждой стороне. На полностью сохранившемся клинке из Тульской имеется обойма. Клинок из Белореченской № 967–968 (с обломанным концом), а также сходный с ним клинок с долами обойи не имеют.

Эти клиники находят близкие аналогии в материалах XVII в., в частности из собрания Оружейной палаты. В Описи 1687 г. такие клиники характеризуются как «полосы штыком», в некоторых случаях указывается на «черкасской выков» [Курмановский, 2010. С. 20]. На многих из них имеется по 2–3 узких долы на каждой стороне. Крупные массивные клиники с усеченно-ромбовидным сечением и большим изгибом, близкие к варианту А, вероятно, являются более ранними.

Тип А. Не находит аналогий в исследованном материале XVI–XVII вв. Сочетает в себе признаки клиников 1 и 3 типов. Клиники имеют узкий заостренный конец, однако сужение к нему носит плавный характер, утолщение клиника на конце также не про-

¹ Автор выражает благодарность сотрудникам ГИМ С. С. Зозуле и С. Ю. Каинову за помощь в работе с коллекциями.

² Всего в Белореченском могильнике сабли обнаружены в 40 погребениях [Левашова, 1953. С. 176].

³ Данный клинок был собран из нескольких фрагментов, числящихся в описи под отдельными номерами инв. С. Ю. Каиновым.

слеживается. Клиники характеризуются плавным умеренным изгибом. Этот тип является численно преобладающим. К нему принадлежат 9 клиников (инв. № 37258, оп. 337, № 276, 277, 288, 972а(2); инв. № 48479, оп. 500, № 162, 163 (ст. Белореченская); инв. № 42402, оп. 335, № 150, 155, 156 (ст. Тульская)). Еще 2 клинка (инв. № 37258, оп. 337, № 296 (ст. Белореченская); инв. № 42402, оп. 335, № 157 (ст. Тульская)) сходны с данным типом по особенностям оформления, однако типоопределяющая часть у них отсутствует. Длина двух клиников, сохранившихся полностью, составляет соответственно 1025 и 1060 мм, один из клиников с обломанным кончиком имеет длину 1065 мм. Ширина клиников у нити 25–33 мм (при возможности учитывается ширина клинка за пределами выреза под обойму), ширина на расстоянии 50 мм от конца у целиком сохранившихся образцов соответственно 9 и 15 мм, считывается 10 экз. Все перекрестья — железные. Длина перекрестья составляет 75–109 мм, высота 28–50 мм, размеры отверстия 33–42×15–19 мм. Подобные перекрестья достаточно хорошо известны восточноевропейским, в особенности северокавказским, материалам золотоордынского времени. В комплексе восточноевропейских кочевнических сабель, рассмотренных в работе А.В. Еглевского и Т.М. Потемкиной, встречены 2 экземпляра подобных перекрестьй, одно из которых происходит из датированного погребения Родионова 3/1 в Приозовье, относящегося ко второй половине XIV в. [Еглевский, Потемкина, 2000. Рис. 4 (12, 13). С. 131, 175]. Сабля с аналогичным перекрестьем происходит из воинского погребения с монетами золотоордынского хана Пулада 1407–1410 г. у с. Верхний Алкун (Ингушетия) [Чахкиев, Нарожный, 1990. Рис. 2].

кривизна лезвия колеблется в пределах 42–72 мм, кривизна обуя 30–68 мм. Все типологически определимые клиники имеют усечено-ромбическое сечение, в обойдоностной части переходящее в собственное ромбическое, длина обойдоностного конца там, где его удается проследить, колеблется в пределах 125–245 мм. Из близких типологически неопределенных клиников один (оп. 337, № 296) имеет треугольное, другой — пятиугольное сечение. Толщина клиника и разница в ширине ребра и обуя в среднем несколько меньше, чем у клиников варианта А типа 3. На 2 клинках на лицевой стороне прослеживается по одному узкому долу. Аналогичный односторонний дол имеется на одном из типологически неопределенных клиников. У большинства клиников на пяте напарена металлическая обойма. На 3 клинках (из них один типологически неопределенный) имеется прямоугольный вырез под обоймой, но сама обойма утрачена. Лишь один типологически неопределенный клиник (оп. 337, № 296) не обнаруживает ни следов обоймы ни выреза. *Листование* — это сплошное в лезвии.

Перекрестья прослежены на 18 предметах. Их делятся на два типа: перекрестья, различающиеся между собой конфигурацией и некоторыми особенностями конструкции. Перекрестья обоих типов имеют сдвоенные вертикальные отростки.

К типу I относятся перекрестья с опущенными к клинику концами. Концы перекрестья асимметричны — один конец, обращенный к обуху клинка, когда обращенного к лезвию, причем эта асимметрия является результатом изначальной замысловатости и небрежности исполнения. Образующие могут быть прямыми или изогнутыми. Завершения перекрестьев расположены и имеют ромбовидные или полуквадратные очертания. Вертикальные отростки, как правило, сравнительно короткие и широкие, треугольной очертаний. Отверстия в верхней, нижней (обращенных к рукояти и клинку) частях перекрестья имеют примерно одинаковые формо-размеры (или же верхние незначительно меньше), что говорит об узких ножках и широкой уплощенной рукояти. Фиксация перекрестья на плече клинка обеспечивалась небольшим ребром в середине его внутренней части. Такие перекрестья в

расплющенных площадок на концах. Прочие перекрестья расширяются к концам и образуют на их срезе продолговатые площадки шестиугольной или скругленно-прямоугольной формы размерами 13–18×8–12 мм. Перекрестья подобной формы и размером широко распространены на восточных и восточноевропейских саблях XVI – середины XVII в. Есть основания полагать, что простые стержневидные перекрестья без выделенных завершений были характерны для так называемой черкесской традиции выкова.

Об органических рукоятях сабель сложно сказать что-либо определенное, помимо вышеописанных особенностей, определяемых по конструкции перекрестья. Лишь на нескольких образцах сохранились части деревянных рукоятей. Во всех этих случаях видно, что рукоять выполнена из цельного куска дерева, набитого на хвостовик клинка. В трех случаях (2 сабли из Белореченской — инв. № 37258, оп. 337, № 295, 972а-1; сабля из Кужорской — инв. № 48479, оп. 510, № 6) на них проследена обтяжка «ящером» — кожей акулы или ската. По форме хвостовика можно также судить о наличии или отсутствии наклона рукояти к лезвию клинка, ее прямой или изогнутой форме. На одной из сабель из Белореченской (оп. 337, № 295, в ней также имеются остатки ножен с железной обоймой) остатки деревянной рукоятки со следами обтяжки «ящером» сохранились на длину до 70 мм. Рукоять прямая, почти без наклона к лезвию, в сечении представляет собой уплощенный восемигранник. Восьмигранное сечение типично для рукоятей «восточных» сабель XV—XVII вв. Обтяжка рукояти «ящером» наиболее характерна для так называемых сабель «ордынок» или «чечут» XVII—XVIII вв. [Красевич, 2005. С. 34–35]. Аналогичная деталь встречается на саблях «на черкасское дело» в русских документальных источниках. Так, в августе 1670 г. Еремею Пашкову, направляемому воеводой в Тамбов, была выдана из Оружейной палаты «сабля, полоса бумагая, ножны покрыты гром черным, крък покрыт ящуром белым, оправа на ножнах медная на черкасское дело» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 12939. Л. 2]. В сохранившейся описи конискованному в 1690 г. у князей В. В. и А. В. Голицыных имущества также фигурирует сабля «на черкасское дело» с «чечутом», покрытым «ящуром» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 938. Л. 2].

На внешней стороне ножей придаёт выпуклую форму. Аналогичная конструкция обоймы известна на ряде сабель XVII в., в частности на так называемых ордынках и близких к ним по оформлению оправы саблях со штыковидным концом клинка. Кроме того, в комплект сабли № 967—968 с медной оправой входит предмет из медного сплава в форме втулки длиной 30 и поперечником 38 мм, с ребром на внешней стороне. Он мог быть наконечником ножен, однако в данном случае странным выглядит большой поперечный размер и отсутствие дна, или же мог охватывать ножны в их средней части. На обратной стороне ножен в обеих сабель прослеживаются остатки бересты. Обтяжка обратной стороны ножен берестой также типична для «ордынок» и близких к ним сабель [Красевич, 2005. С. 34–35]. Многочисленные указания на изготовление и бытование в России сабель «с медной оправою на черкасское дело» встречаются в стольбах Оружейной палаты 1660–x – 1670-х гг. [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 9036. Л. 4; Е.х. 9818. Л. 2–3; Е.х. 10089. Л. 2.; Е.х. 11295. Л. 1; Е.х. 15161 и др.]. На один из экземпляров (сабля из ст. Кужорская — инв. № 48479, оп. 510, № 6) на ножнах проследены остатки «ящера».

Устойчивые сочетания форм клинка, перекрестья и других деталей позволяют выделить несколько типов сабель. Типологически определены мы оказались 23 предмета.

Тип 1 составляет сабли с клинком типа А и перекрестьем 1-го типа. Рукояти сабель, судя по форме хвостовиков, были практически прямыми, уплощенно-ovalными в сечении и, как правило, имели выраженный наклон к лезвию. Фактически обязательно наличие обоймы на клинке. Конструкция оправы ножен и обтяжка рукоятей не прослеживаются. Данный тип наиболее широко

На большинстве клиников имеется наваренная под перекрестьем железная обойма прямоугольной или же более сложных очертаний. Под ней со стороны лезвия клиника находился небольшой прямогольный вырез.

На многих саблях имеются следы деревянных ножен. Конструкции металлической оправы и ножен и их покрытия можно определено говорить только для двух образцов из Белореческого (инв. № 37258, оп. 337, № 295, 967–968). Металлическая оправа ножен в обоих случаях сходна в конструкции и выполнена из одного материала с перекрестьем (в одном случае — из железа, другом — из медного сплава). Она представлена обрамленной эланной конусовидной, но с овалом

разе сохранилась одна, на другом — две обоймы), состоящими из крупной изогнутой фигурной пластины, расположенного на ножнах со стороны обуха клинка, в средней части которой заклепкой крепилось кольцо для ремня портупеи, расположенное на внутренней стороне ножен (на клинке с медной оправой, он V-образно изогнут, что говорит о наличии ребра на внешней поверхности ножен) и охватывающего их пояска, которому на внешней стороне ножен придана выпуклая форма. Аналогичная конструкция обоймы известна на ряде сабель XVII в., в частности на так называемых ордынках и близких к ним по оформлению оправам саблях со щитковидным концом клинка. Кроме того, в комплект сабли № 967—968 с медной оправой входит предмет из медного сплава в форме втулки длиной 30 и поперечником 38 мм, с ребром на внешней стороне. Он мог быть наконечником ножен, однако в данном случае странным выглядят большой поперечный размер и отсутствие дна, или же мог охватывать ножны в их средней части. На обратной стороне ножен у обеих сабель прослеживаются остатки борстели. Обтяжка обратной стороны ножен борстелью также типична для «ордынок» и близких к ним сабель [Красиневич, 2005. С. 34—35]. Многочисленные указания на изготовление и бытование в России сабель «с медною оправою на черкасское дело» встречаются в столбцах Оружейной палаты 1660-х — 1670-х гг. [ГРАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 9036. Л. 4; Е.х. 9818. Л. 2—3; Е.х. 10089. Л. 2.; Е.х. 11295. Л. 1; Е.х. 15161 и др.]. На одном экземпляре (сабля из ст. Курокская — инв. № 48479, оп. 510, № 6) на ножнах прослежены остатки «шпорца».

Устойчивые сочетания форм клинка, перекрестья и других деталей позволяют выделить несколько типов сабель. Типологически определимыми оказались 23 предмета.

ти изображены 29 предметов.

Тип I составляют сабли с клинком типа А и перекрестьем 1-го типа. Рукояти сабель, судя по форме хвостовиков, были практически прямыми, уплощенно-ovalными в сечении и, как правило, имели выраженный наклон к лезвию. Фактически обязательно наличие обоймы на клинке. Конструкции оправы ножен и обтяжка рукоятей не прослеживаются. Данный тип наиболее широко представлен в рассмотренном комплексе (13 экземпляров).

Тип 2 представлен саблями с клином варианта А типа 3 и перекрестьем варианта 1 2-го типа. На клинке также имеется обойма. Наклон рукояти к лезвию менее заметен, чем у 1-го типа или же вообще отсутствует. При этом рукоять может иметь слегка изогнутую форму. Конструкция оправы ножен неизвестна, на рукоятях и ножках встречается покрытие «ящером». Представлен 4 экземплярами из Белореченской и Кужорской (инв. № 37258, оп. 337, № 261, 275, 972а (1); инв. № 48479, оп. 510, № 6).

экземпляром из Белореченской (инв. № 37258, оп. 337, № 294).

Тип 4 также представлен 1 экземпляром из Анапы (инв. № 33616, оп. 509, № 2), имеет клинок типа 2 и перекрестье 2-го варианта 2-го типа. Обойма на клинке отсутствует. Хвостовик клинка имеет выраженный наклон к лезвию. Детали оформления рукояти и ножки не прослеживаются.

Тип 5 имеет клинок варианта 1 типа 3 и перекрестья варианта 2 типа 2. Наличие обоймы, как правило, не характерно, основание рукояти без выраженного наклона к лезвию, встречающееся восемьмиугольное сечение рукояти, ее покрытие «ящером», обтяжка оборотной стороны ножен бестростной, оправа ножен характерной формы, использование в оправе как железа, так и медного сплава. К данному типу можно отнести 4 предмета из Белореченской и Тульской (инв. № 37258, оп. 337, № 295, 967–968; инв. № 42402, оп. 335, № 153, 154).

Анализ выявленных типов позволяет выделить определенные группы сабель, для которых представляется возможным выстроить определенную относительную хронологию бытования и попытаться в общих чертах определить предполагаемые абсолютные хронологические рамки.

Группа 1, условно определяемая как «сабли с изогнутым перекрестьем», представлена одним типом 1. Она, предположительно, является наиболее ранней в рассмотренном комплексе. Эти сабли фактически полностью аналогичны саблям группы VIII, выделенной в работе У.Ю. Кошкарова и датируемой автором XIII–XIV и частично XV вв. [Кошкаров, 2008. С. 36. Табл. XX]. Представляется возможным определить верхнюю дату бытования подобных сабель первой половиной XV столетия.

Группа 2, также представленная единственным типом 2, является хронологически более поздней и может быть охарактеризована как «сабли с коротким прямым перекрестьем». Она может быть гипотетически датирована XV–XVI вв.

Группа 3 может быть определена как «сабли с длинным прямым перекрестьем». Эта группа объединяет сабли 3, 4 и 5 типов. По довольно многочисленным аналогиям бытование этой группы может быть датировано XVI–XVII вв. При этом отдельные образцы сабель из этой группы можно отнести к более узким временным отрезкам. Так, сабля из Анапы, находящаяся ближневосточные (ту-

рецкие и египетские, а отчасти иранские) аналогии, по сочетанию характерного длинного перекрестья и слабонизогнутого клинка, являющегося в данном случае архангельским признаком, может быть довольно уверенно датирована XVI в. К этому же времени могут быть отнесены сабли из Белореченской (тип 3) и Тульской (тип 5), имеющие архангельское сечение в форме скосенного ромба, а сабля из Тульской — также обойму на клинке. Более поздним временем — XVII в., вероятно, могут быть датированы сабли из Белореченской с характерной оправой ножен.

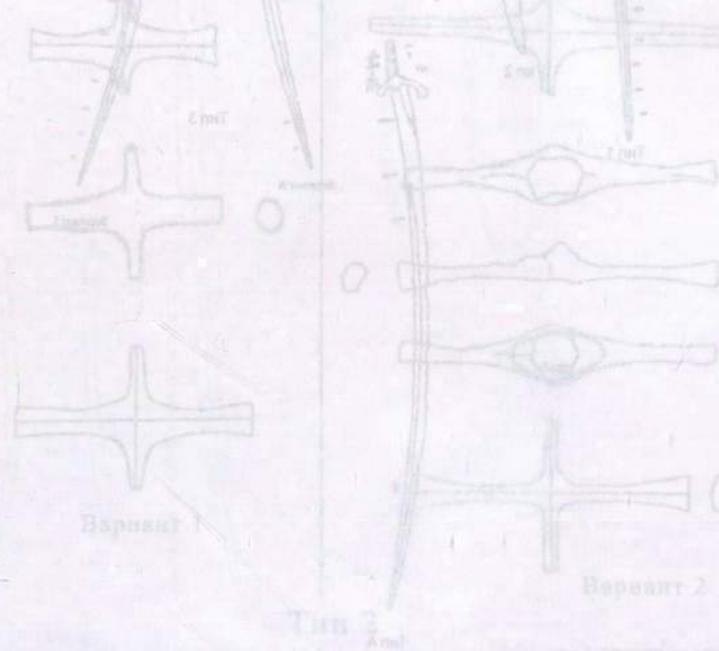
Проведенная работа выявила типологическую неоднородность сабель из Белореченского могильника и сходных с ним памятников данного региона, а также позволила сделать вывод о разновременности погребений этих могильников. Безусловно, четкое определение даты того или иного захоронения может быть достигнуто лишь при тщательном анализе всего погребального инвентаря, однако возможности сабель как таковых в качестве датирующего материала позволяют определенным образом очертить рамки датировки. Кроме того, исследованный материал проливает свет на некоторые вопросы эволюции сабли в северокавказском, шире — в восточноевропейском регионе, а также более наглядно говорит в пользу северокавказского происхождения некоторых форм сабель, распространенных в Восточной и Центральной Европе, в частности, так называемых ордынок, широко распространявшихся во второй половине XVII в. Наиболее существенным событием в этом процессе явилось распространение взамен специфических «золотоордынских» (характерных для сабель 1-й группы) условно «восточных», сходных с позднесредневековыми турецкими, иранскими и египетскими, форм сабельных эфесов (перекрестья 2-го типа и специфичных для них рукоятей) при сохранении определенной преемственности в форме клинка, предположительно имевшего место в XV в. Позднейшие 2-я и 3-я группы сабель не имеют между собой принципиальных конструктивных отличий (вероятно, в дальнейшем между ними могут быть выявлены переходные формы) и, надо полагать, несмотря на наличие среди них отдельных инородных форм, таких как сабля из Анапы, демонстрируют прямую преемственность традиций производства клинкового оружия.

Литература

1. Аствацатури Э.Г. Оружие народов Кавказа. Москва; Нальчик, 1995.
2. Еглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевые сабли // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. С. 117–178.
3. Красневич В. Польские сабли. Слб., 2005.
4. Кошкаров У.Ю. Вооружение воинов северо-западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М., 2008.
5. Курмановский В.С. Сабельные клинки в России XVI–XVII вв.: морфология и конструктивные особенности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 2010.
6. Левашова В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XXII. М., 1953. С. 164–213.
7. Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего Средневековья. Нальчик, 1981.
8. Чаккиев Д.Ю. Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина начала XV в. из селения Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 129–140.
9. Отчеты Императорской археологической комиссии за 1896 г. Слб., 1898.
10. Alexander D. Pisanello's hat. The costume and weapons depicted in Pisanello's medal for John VIII Paleologus. A discussion of the saber and related weapons. // Gladius XXIV, 2004, pp. 135–186.

Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 9036.
2. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 9818.
3. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 10089.
4. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 11295.
5. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 15161.
6. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Е.х. 12939.
7. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 938

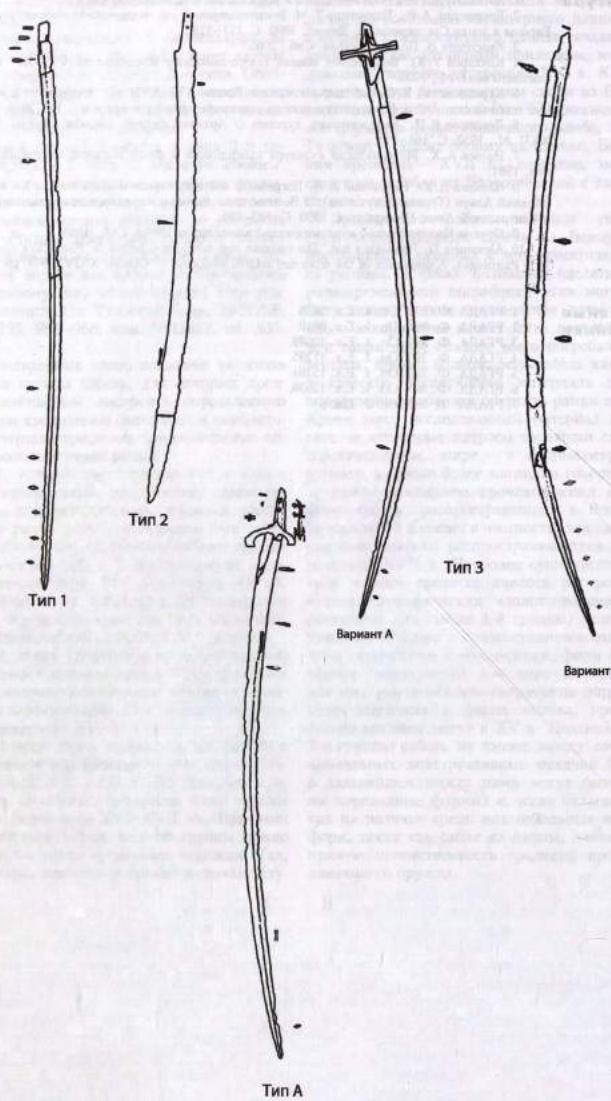

Рис. 1. Типология клинков

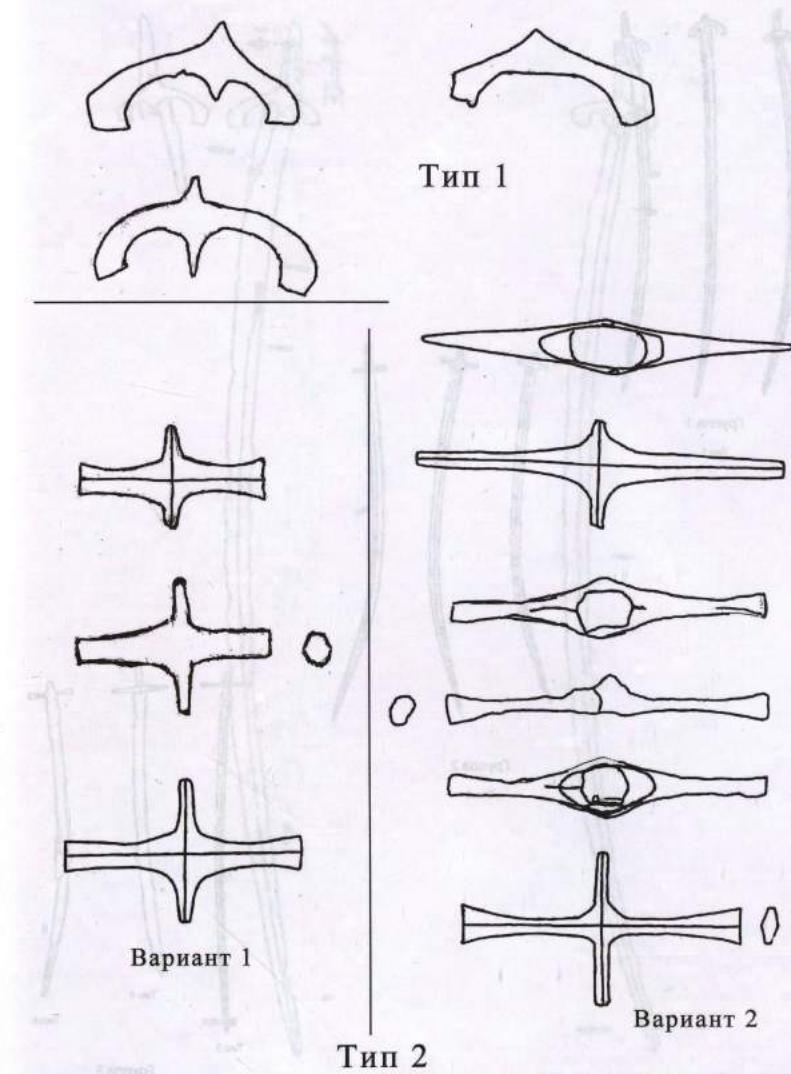

Рис. 2. Типология перекрестьй

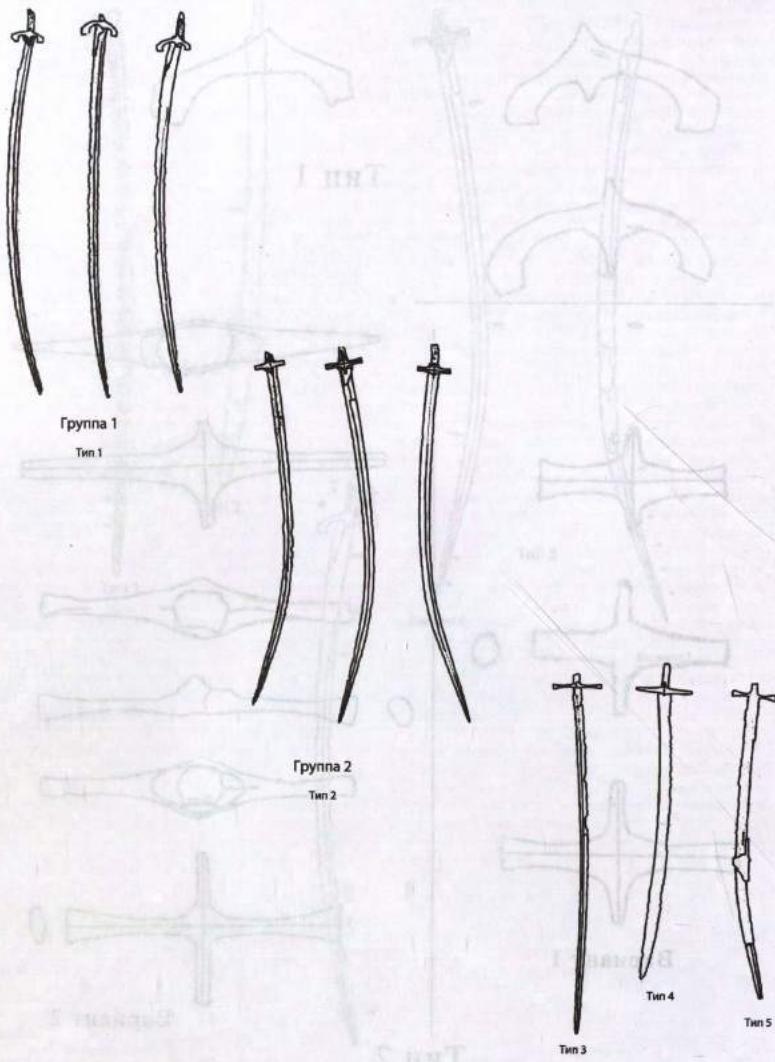
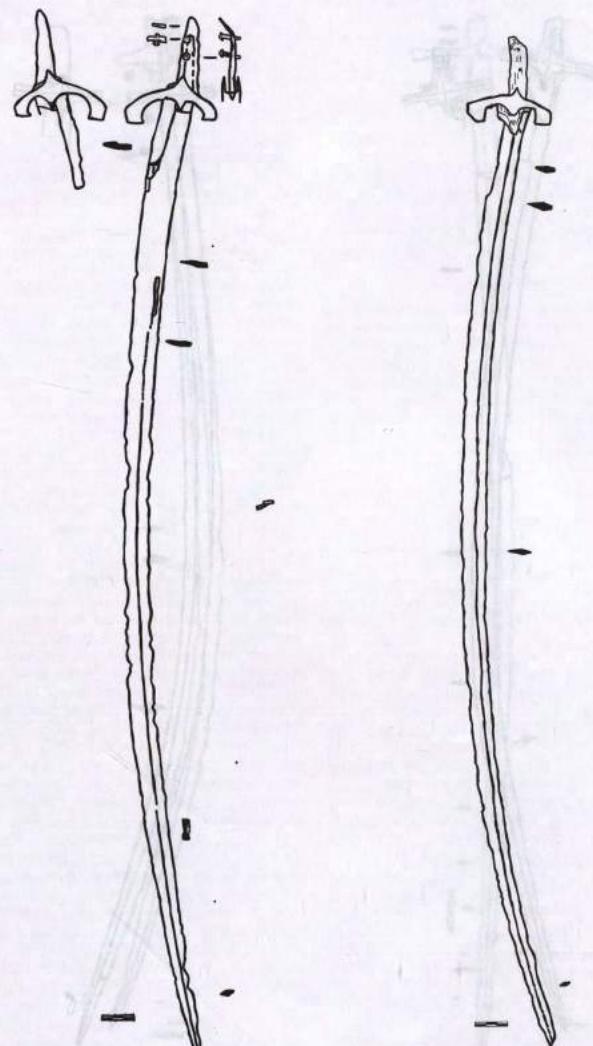

Рис. 3. Типология сабель

Рис. 4. Сабля. Тип 1. Ст. Белореченская.
Инв. №48479. Оп. 500. №163Рис. 5. Сабля. Тип 1. Ст. Белореченская.
Инв. №48479. Оп. 337. №972а(2)

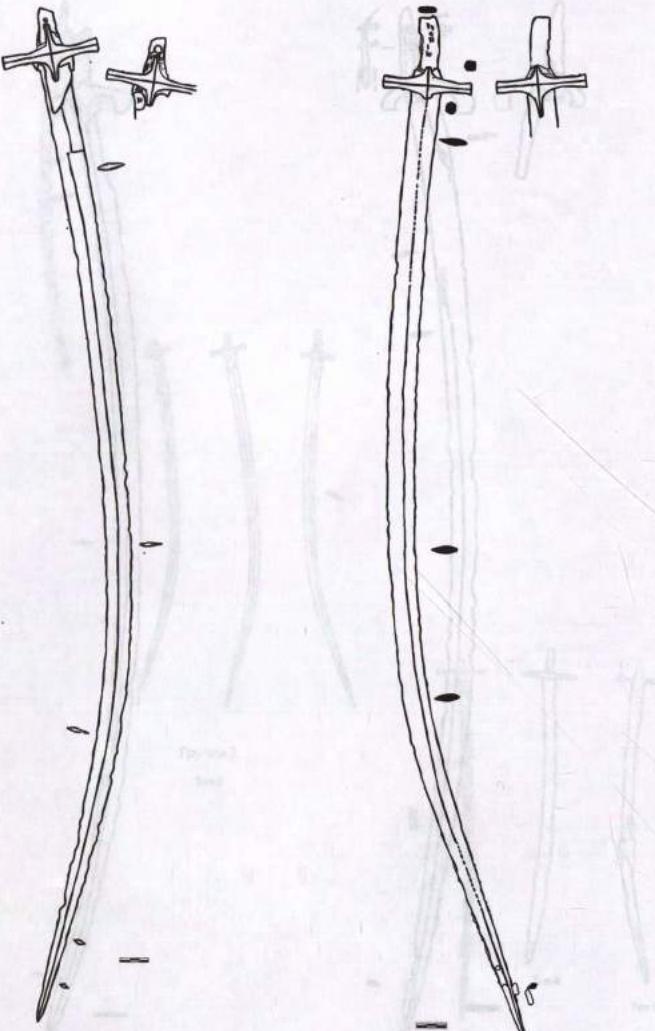

Рис. 6. Сабля. Тип 2. Ст. Кужорская.
Инв. № 48479. Оп. 510. № 6

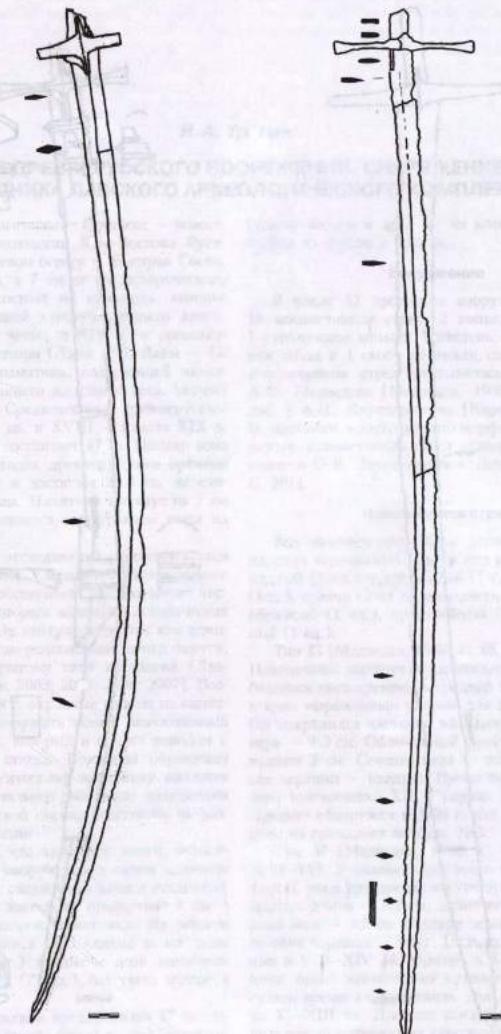

Рис. 8. Сабля. Тип 2. Ст. Белореченская.
Инв. № 37258. Оп. 337. № 275

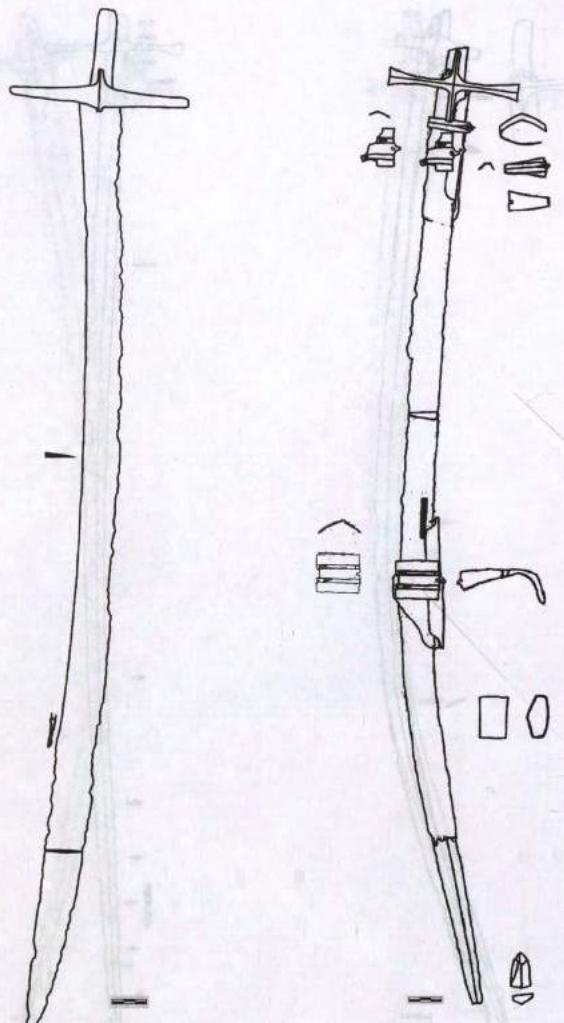

Рис. 10. Сабля. Тип 4, г. Анапа.
Инв. №33616. Оп. 509. №2

Рис. 11. Сабля. Тип 5. Ст. Белоречен-
ская. Инв. №37258. Оп. 337. №967

Находки древнерусского вооружения. Снаряжение коня и всадника Лавского археологического комплекса

Н. А. Тропин

НАХОДКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ВООРУЖЕНИЯ. СНАРЯЖЕНИЕ КОНИ И ВСАДНИКА ЛАВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА¹

Лавский археологический комплекс – известный памятник в археологии Юго-Востока Руси. Он расположен на левом берегу р. Быстрой Сосны, на окраине г. Ельзы, в 7 км от его исторического центра. Комплекс состоит из городища, которое относится к городецкой культуре раннего железного века и третьей четверти XIV в., и примыкающих к нему двух селищ (Лавы – 3, Лавы – 4). Это многослойный памятник, содержащий находки эпохи бронзы, раннего железного века, первых веков н.э., раннего Средневековья, древнерусского времени XI–XIV вв. и XVIII – начала XIX в. Его общая площадь составляет 47 га. Однако зона распространения находок древнерусского времени значительно меньше и достигает 29,4 га, не считая площади городища. Памятник вытянут на 2 км вдоль реки и возвышается над уровнем воды на 25–40 м.

Результатам его исследований, проводившихся с 1991 г. экспедициями Елецкого и Воронежского государственных университетов, посвящено значительное число публикаций, в которых изложена историческая оценка памятника. Он интерпретируется как административный, торгово-ремесленный центр округи, относящийся к открытому типу поселений (Лавское ОТРП) [Тропин, 2003; 2005; 2006; 2007]. Возобновившиеся в 2009 г. охранные работы на памятнике позволили обнаружить новый значительный по объему материал, который и явился поводом к написанию данной статьи. Причиной обращения к данному археологическому источнику является продолжающаяся детальная работа над выяснением социально-исторической оценки памятника на разных этапах его развития.

Следует сказать, что категория вещей, относящихся к предметам вооружения в самом широком понимании (оружие, снаряжение коня и всадника), является немногочисленной по отношению к массе индивидуальных находок памятника. Из общего числа «индивидуалов» в 1225 единиц за все годы работ (1991–2009 гг.) предметы этой категории составили лишь 5,8% (71 ед.), без учета подков и подковных гвоздей.

Предметы вооружения представлены 17 находками (наконечники стрел, копий и др.), наременная гарнитура – 30 экземплярами накладок и пряжек, снаряжение коня и всадника – 24 находками

(удила, шпора и др.), 17 из которых составляют кольца из железа и бронзы.

Вооружение

В числе 17 предметов вооружения встречаем 10 наконечников стрел, 2 копья, 1 топор-чекан, 1 кольчужное кольцо, 1 кистень, 1 фрагмент лезвия сабли и 1 скобу от ножек сабли. В описании наконечников стрел учитывалась классификация А.Ф. Медведева [Медведев, 1966], других находок – А.Н. Кирпичникова [Кирпичников, 1966]. В описании конструктивно-морфологических элементов наконечников стрел использовалась терминология О.В. Двуреченского [Двуреченский, 2007. С. 281].

Наконечники стрел

Все наконечники стрел относятся к разделу плоских черешковых. Среди них встречаются кильвидный (1 ед.), треугольный (1 ед.), ромбовидный (1 ед.), срезни (2 ед.), лавролистные (2 ед.), веерообразный (1 ед.), бронебойный (1 ед.), шиловидный (1 ед.).

Тип 33 [Медведев, 1966. С. 63. Табл. 23. № 24]. Наконечник вытянутой кильвидной формы с наибольшим расширением в средней трети длины пера и ярко выраженным упором для древка (рис. 1,1). Он сохранился частично на длину 5,5 см, ширина пера – 1,3 см. Обломанный фрагмент пера не превышает 2 см. Сечение пера – тонкая линза, сечение черешка – квадрат. Время бытования данного типа наконечника XII – первая половина XIII в. Предмет обнаружен в 2009 г. как подъемный материал на скоплении находок №3.

Тип 37 [Медведев, 1966. С. 63–64. Табл. 23. № 13–14]. У наконечника этого типа треугольная форма, упор для древка отсутствует (рис. 1,2). Общая его длина – 5,2 см, длина пера – 2,5 см, ширина пера – 1,5 см. Сечение пера – тонкая линза, сечение черешка – круг. Находились в употреблении в VIII–XIV вв. Однако в XIV веке наконечники были значительно крупнее. Это позволяет судить время их бытования для данного памятника XI–XIII вв. Предмет обнаружен в 2009 г. как подъемный материал на скоплении находок №16.

Тип 52 вариант 2 [Медведев, 1966. С. 69. Табл. 30. №48]. Ромбовидный наконечник с пря-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ, проект № 13-11-48601.